А. ШАГИНЯН.

Мы едем в Воямполку

(ПУТЕВОЙ ОЧЕРК)

Всегда интересно читать толстые книги о путешествиях на Огненную Землю, к Северному полюсу или в дебри Африки. Один только список снаряжения и продуктов занимает целую главу, набранную убористым шрифтом. А как начать рассказ о скромной командировке в недалекое (сравнительно, конечно) национальное село Воямполка? Может быть, с того, чего стоило достать железную кружку, которой не было в продаже? Или с повести о том, как корреспондент бегал по поселку в поисках болотных сапог 43 размера? Это не существенно, просто дань традиции — начинать повествование с описания снаряжения. Так или иначе: дождливым вторником я, Борис Петрович Киселев и Василий Васильевич Миронов, полностью экипированные для поездки, взгромоздились на лошадей по кличкам «Буря», «Чайка», «Сокол» и, оглянувшись в последний раз на Палану с вершины увала, скрылись из виду, имея конечной целью — Воямполку.

...Лил проливной дождь. Дул холодный ветер. Понурые лошади с трудом передвигали ноги по песчаной лайде Охотского моря. Уже были пройдены двадцать пять километров, а Борис Петрович молча подпрыгивал в седле и не объявлял долгожданного привала. Киселева мы с Мироновым молча признали начальником экспедиции. В Воямполке он бывал неоднократно, знал дорогу и умел лихо управляться с лошадьми. Не знаю, как Василий Васильевич, а я верхом ехал второй раз в жизни. Первый раз, помню, это было во сне, после фильма «Три мушкетера».

Наконец, когда совсем стемнело и вплотную приблизилась причудливая в темноте морда Кахтанинского мыса, нависшего над морем, Борис Петрович спрыгнул со своей «Бури» и сказал:

— Точка. Здесь будем ночевать.

Не знаю, что мои товарищи ощущали, сойдя с лошадей, а я чувствовал себя измученным. С непривычки болело все тело, затекли ноги, и, только собрав в кулак волю, я смог заставить себя пойти за дровами и помочь Борису Петровичу натянуть палатку.

Поужинав у костра, мы забрались в палатку, а в палатке — в кукули и, задымив сигаретами, начали говорить разговоры...

Закурив новую сигарету, начинает Борис Петрович:

— На Тогатке живет один любопытный старикан — Данил Данилович Яганов. Знаменит тем, что три года, — Борис Петрович смеется, — три года добирался из Соболева до Кинкиля вместе со своей старухой. Ехал только зимой. Там, где его заставала распутица весенняя, он ставил палатку и жировал все лето — ловил рыбу, готовил юколу для собачек, а когда кончалось лето, по первому снегу двигался дальше. Большие реки Данилычу были нипочем. Он делал подвязья, ну, значит, подвязывал к нартам сухой плавник и, не выпрягая собачек, они у него приученные, переправлялся сидя вместе со старухой через любые, как говорится, водные преграды. Или в Лесной, у одного нарта на колесах. Гоняет себе летом по тундре, как по асфальту...».

И так до тех пор, пока не начинают слипаться глаза. А как вы думаете, сколько историй может храниться в памяти у человека, который двадцатый год живет на Камчатке?

— Напишите книгу, Борис Петрович. А?

— Брось смеяться. Пиши сам.

Я бы написал. Но для того, чтобы написать хорошую книгу об этой земле, надо знать Камчатку так, как ее знают, например, Миронов или Киселев. Описывать же то, как иногда делают залетные литераторы, что 227 лет назад открыл Беринг — зачем это надо?

...Утром мы поднялись рано. День обещал быть хорошим, судя по широкой голубой полосе над морем. Подсчитав за утренней чаевкой часы прилива и отлива, мы оседлали лошадей и за повод повели их через изломанные скалы непропусков. Проходить их, как сказал Борис Петрович, можно было только в полный отлив.

Спотыкаясь на каждом шагу, мы через полчаса выбрались из каменных джунглей и облегченно вздохнули — впереди выгибалась дугой ровная лайда с отлично утрамбованным отливом песком, по которому неторопливо прогуливались толстые чайки.

Как это обычно, второй день был легче. Мы ехали в Воямполку — с одной стороны бликовало под солнцем море Охотское, с другой — десятиметровый непропуск, с нависшим, как брови, козырьком. Он тянулся почти всю дорогу до реки Воямполки, изредка прерываясь в устьях Урги, Кокерты...

Мы ехали в Воямполку, растянувшись цепочкой и, щурясь на солнце, пели. Я пел о цыгане, который «ехал на коне верхом», Киселев тянул «По диким степям Забайкалья», а Василий Васильевич солдатскую песню, которая начиналась со слов «Встань, сказал нам старшина». Кстати, вы обратили внимание, что большинство людей, оставшись одни, испытывают непреодолимую тягу к пению?

Дорога по берегу кажется однообразной на первый взгляд. Кричат чайки, монотонно шуршат галькой волны. Но это только сперва так кажется. Вот сотни крестообразных следов. Это прошла колонна гусей в сторону тундрового озера. Они еще не оперились, поэтому неуклюже переваливались, как самые обыкновенные домашние гуси, пока на своих двоих. Чуть дальше, у самого непропуска, лежат, похожие на кости, белые бревна плавуна, кухтыли с рыбацких сетей, оплетенные разноцветными веревками. А за Ургой стоят «на попа» два громадных китовых позвонка.

— Смотри, Саша, — сказал Борис Петрович и показал на большие вмятины в мокром песке, — медведь совсем недавно шастал.

(Окончание следует).

А. ШАГИНЯН.

Мы едем в Воямполку

(ПУТЕВОЙ ОЧЕРК)

(Продолжение. Начало в № 124).

Я спрыгнул с лошади и померил рукой след.

— Впечатляет, — сказал я, поднимаясь. — Лучше с ним встретиться в зоопарке, когда он будет находиться по другую сторону клетки.

Метров через сто мы увидели полуобглоданную тушку нерпы, а вокруг целый хоровод совсем свежих медвежьих следов. Теперь мы не растягивались цепочкой и не пели. Где-то рядом бродило 300—400 килограммов живых мускулов и длинных клыков. Не успел я об этом подумать, как «Чайка», лошадь на которой ехал Василий Васильевич, вдруг заржала и, сбросив с себя Миронова, бешеным галопом помчалась сперва ко мне — мой жеребец сделал стойку и шарахнулся в сторону, — а потом бросилась к Петровичу, который в это время переезжал маленькую речку. Когда мы, наконец, успокоили возбужденных лошадей, то оказалось, что поверху, следом за нами, по самому краю непропуска шел медведь, и судя по следам, шел давно, а когда ветер переменился, лошадь его и почуяла...

К вечеру опять заволокло небо серой пеленой, подул ветер с мелким дождем, море стало угрюмым, бары на отмелях загудели сильней, и в распадках начал собираться туман. Заночевали мы на Урге, где нас и лошадей одолели комары. Не комары, а прямо цепные собаки. Лошади катались на траве, мы же ругались и лили пригоршнями репудин. Кто-то в сердцах сказал, что в журнале «Наука и жизнь» написано: сосут кровь только лишь самки комаров — и это нас почему-то утешило...

Ночь прошла спокойно, если не считать того, что пару раз мы просыпались от того, что кто-то ходит вокруг палатки и тяжело дышит. Мы брали ружья и, откинув полог палатки, на четвереньках выскакивали наружу. Первый раз бродила вокруг палатки отвязавшаяся лошадь, в другой раз нам просто почудилось, сказались впечатления прошедшего дня..

Раннее утро. Солнце еще не вставало. Тихо до изумления. Только изредка, со свистом рассекая крыльями тугой утренний воздух, к тундровому озеру низко проносились крохали. В распадках фиолетовых сопок клочками застряли облака. Море, ровное и тихое, как вода в тазу. До Усть-Воямполки оставалось часов пять нормального лошадиного хода. До 11 часов ждали мы отлива двойных вод и тронулись в путь, с трудом перейдя вброд сильную речку Кокерту.

Усть-Воямполка встретила нас гомоном птичьего базара и приветствиями рыбаков-коряков. С их помощью, на бату, мы переправили на другой берег седла, переметы, рюкзаки, а лошадей погнали вплавь. Река Воямполка в устье, даже во время полного отлива, достигает глубины в 12—13 метров. Река большая и сильная, а во время прилива разливается так широко, что больше похожа на морской залив, чем на реку. Горловина, зажатая между берегом и отвесной скалой, прямо кишит нерпами и белухами, охотящимися за рыбой. В это время как раз шла метать икру кета. И над всем этим водоворотом оглушительные крики бесчисленного количества нахальных чаек. Почти на вершине скалы, где находится птичий базар, стоит мраморный памятник. Об этом памятнике я слышал еще в Палане и обязательно решил побывать на могиле.

Мы поставили палатку в стороне от юкольника, где были привязаны штук сорок ездовых собак, встретивших нас неистовым лаем, развели костер и сели чаевать вместе с Константином Яковлевичем Фартушным, заведующим Воямпольским отделением совхоза «Паланский». Киселев и Миронов заговорили с ним о покосе, летовке, бригадах и прочих делах. Потом подошли двое бородатых геологов, корякирыбаки...

Часа через два мы с Киселевым переправились опять на другую сторону реки и через распадок поднялись к памятнику. Обнесенная железной оградой могила сильно заросла высокой травой. С трудом открыв поржавевшую калитку, мы вошли внутрь ограды. Небольшой, из светлосерого мрамора памятник. На нем сильно ретушированная фотография молодой улыбающейся женщины в красной косынке, повязанной так, как носили их комсомолки тридцатых годов. Под фотографией потускневшими золотыми буквами выбито:

«Лучшему другу и товарищу,
любимой, родной Настюше от Вениамина.
21 января 1907 — 7 сентября 1935 года».

А вокруг памятника еще три Т-образных деревянных столбика с врезанными в них застекленными фотографиями Насти Абрамовой. Настя в шубе идет за водой, Настя на корякском празднике. Вот что потом я узнал об истории этой могилы в Воямполке. В тридцатых годах в этих местах геологи искали нефть. Начальником одной из поисковых партий был Вениамин Абрамов. В этой же партии работала его жена Настя. Рассказывают о ее гибели по-разному. Прошло 33 года с тех пор. Одни старожилы говорят, что она утонула, переправляясь через Воямполку во время сильного прилива, другие утверждают, что смерть наступила из-за родов. Легенда об этой смерти началась из-за памятника. В то далекое время Воямполка была действительно диким, труднодоступным местом. И вот Вениамин Абрамов, потрясенный смертью любимого человека, решает поставить Насте памятник. Он едет в Ленинград, заказывает памятник из мрамора и везет его через тысячи километров сюда, в Воямполку. В Петропавловске, при разгрузке, памятник раскололся. Абрамов возвращается в Ленинград, заказывает новый и опять везет его на Камчатку, потом почти через всю область в Воямполку, где с помощью коряков поднял его на вершину обрывистой сопки.

(Окончание следует).

Из номера в номер

ЛК

А. ШАГИНЯН.

Мы едем в Воямполку

(ПУТЕВОЙ ОЧЕРК)

(Окончание. Начало в № 124—125).

Оставив лошадей в Усть-Воямполке, мы на моторке поднялись на 30 километров вверх по реке, мимо заброшенного поселка Корн, в село Воямполку. Село небольшое, живет там человек 120—130, да и то большая их часть постоянно находится в табунах. Как рассказывал мне Павел Александрович Шемаев, председатель сельсовета, Воямполка была построена на месте стойбища в 1936 году.

Я встречался с разными людьми в Воямполке. О многих из них надо бы писать очерки, но я пишу сейчас просто путевые заметки. Хотя мне хочется заметить одну характерную черту в биографиях большинства юношей-коряков: профтехучилище, служба в армии, работа. Такая биография у Феди Баранникова, Василия Попова, Владимира Вуввена. С Володей Вуввеном меня познакомила Лидия Евгеньевна Грудинина, заведующая Воямпольской школой-интернатом. Володя недавно вернулся в село после службы в армии и собирался ехать в табун.

— Поймите, — сказал он мне, — я мог бы, конечно, устроиться на работу в Воямполке, но я по профессии оленетехник, так почему я должен сидеть дома? Мне еще в армии хотелось в тундру...

Недавно я прочел в газете, что звеньевой Куткевьи, у которого Володя сейчас работает в бригаде, хорошо отзывается о нем как о специалисте-оленеводе, парень знает свое дело, не подведет.

Или другая, совсем отличная от судьбы комсомольца Вуввена, жизнь Сулеймана Садреддинова, бывшего конника армии Фрунзе, с 1937 года безвыездно живущего на Камчатке. Какую захватывающую историю мог бы рассказать людям этот седой старик с мудрыми глазами. К сожалению, через два дня командировка кончилась и, не успев узнать и увидеть сотой части возможного, мне пришлось спуститься со своими спутниками вниз до Усть-Воямполки и, крепко пожав руки новым друзьям, двинуться в обратный путь — в Палану...

Г. ЛОНШАКОВ.